

Т. В. Ткачева

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ГЕОПОЛИТИКИ И СТРАТЕГИИ США В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи геополитических теорий и стратегической политики США в конце XIX – начале XX века. Охарактеризованы факторы, оказавшие влияние на формирование теоретических основ внешнеполитического курса США на рубеже веков, что проясняет истоки мифотворчества и консерватизм современной американской внешней политики.

Ключевые слова: геополитика, стратегия, внешняя политика, США, А. Мэхэн, «доктрина Монро»

ON QUESTION OF RELATIONSHIP OF GEOPOLITICS AND STRATEGY OF USA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

The article is devoted to the consideration of relationship geo-political theories and Strategic policy of the USA in the late XIX – early XX. We characterize the factors that influenced the formation of the theoretical foundations of US foreign policy at the turn of the centuries, that it clarifies the origins of myth-creation and conservatism of contemporary American foreign policy.

Key words: geopolitics, strategy, foreign policy, the United States, A. Mahan, "Monroe Doctrine".

Проблема эволюции геополитических доктрин и их взаимосвязи со стратегической политикой Соединенных Штатов Америки является одной из актуальных проблем новейшей истории, это подтверждают и современные мировые события. Обращение еще раз к исследованию факторов, оказавших влияние на формирование теоретических основ внешнеполитического курса США в конце XIX – начале XX веков, поможет прояснить консерватизм нынешней американской внешней политики.

Большее века прошло с тех пор, как бурный рост промышленного потенциала превратил Соединенные Штаты в одну из наиболее индустриально развитых стран мира и эти экономические успехи в конце XIX привели к усилению несоответствия между ведущим местом США в мировом промышленном производстве и их положением на международной политической арене. Непрерывный рост промышленного и сельскохозяйственного производства далеко опередил потребности внутреннего рынка и толкал монополистов на завоевание внешних рынков. Поэтому в конце XIX века резко обострилась проблема сбыта, источников сырья и сфер инвестирования американского капитала.

Данная ситуация свидетельствовала о том, что на рубеже XIX–XX веков мировая система хозяйства вступила в новый этап своего развития, для которого было характерно не только уничтожение преград на пути свободного перемещения товаров и капитала, но и изменение инфраструктуры мирового рынка в связи с бурным развитием средств транспорта и связи. Мировой рынок становился объектом дележа между крупнейшими капиталистическими объединениями, а с усилением взаимозависимости мира проблема развития коммуникаций в политике ведущих держав Европы и США выходила на первый план.

Реалии конца века подвели американские правящие круги к дилемме: либо пересмотреть некоторые положения старой изоляционистской идеологии и закамуфлировать ее в скрытую агрессивную форму, чтобы сохранить «статус кво» с западными державами, либо разработать теоретические основы новой экспансионистской идеологии, опирающейся на ясные национальные и даже националистические установки для обоснования имперских амбиций во внешнеполитической стратегии.

В первую очередь речь шла о более гибкой интерпретации «доктрины Монро», особенно после испано-американской войны 1898 года. В классическом варианте Соединенные Штаты

должны были придерживаться политической изоляции, обеспечивая защиту стран Западного полушария и их естественных прав. В новом контексте доктрины, проявившемся после войны, подчеркивалась уникальность геополитического расположения Соединенных Штатов между двух океанов, которые теперь не изолировали, а являлись связующим звеном в превращении США в морскую державу.

Постепенно доктрина стала рассматриваться не только как внешнеполитический манифест, но и как обоснование исключительного статуса американского государства на включение в правовое поле их деятельности страны Западного полушария. В 1895 г. в ноте правительству Великобритании государственный секретарь США Р. Олни предложил выдвинуть Соединенные Штаты в качестве арбитра в деле урегулирования Венесуэльского кризиса. Считая «любой европейский контроль над американской территорией абсурдным и нелепым» в силу географических условий и политических причин, он подчеркнул, что в «настоящее время Соединенные Штаты являются сувереном на этом континенте, а их воля – закон во всех делах, в которые они вмешиваются» [1, 43].

Однако на политическом олимпе к такой интерпретации доктрины относились с осторожностью. В предвыборных платформах 1896 г. республиканцы и демократы единодушно высказались в поддержку доктрины Монро, подчеркивая ее изоляционистскую антиевропейскую направленность. Особенно жестко это прозвучало в республиканской платформе: «Мы отстаиваем доктрину Монро в полном ее объеме и подтверждаем права США привести доктрину в действие в ответ на призыв любого американского штата защитить его в случае европейского вторжения» [6, 108].

Более отчетливо расхождения между политическими партиями по внешнеполитическому курсу оформились после окончания испано-американской войны. На съезде демократической партии 4 июля 1900 г. в Канзас-Сити за отход от принципов доктрины Монро резкой критике был подвергнут экспансионистский курс республиканской администрации. При этом демократы попытались нажить дополнительный политический капитал, включив в свою платформу требование незамедлительного предоставления независимости Кубе, находившее поддержку среди многих американцев. Этой же цели было подчинено осуждение милитаризма, несущего, помимо увеличения налогового бремени, усиление реакции внутри страны. В качестве своего внешнеполитического кредо демократы выдвигали невмешательство в дела европейских держав, опираясь при этом на высказывание Т. Джефферсона о главных принципах США: мир, торговля и честные взаимоотношения со всеми нациями. В то же время, критикуя республиканцев за экспансионистские взгляды, сами демократы не являлись до конца последовательными в этом вопросе, заявляя: «Мы не выступаем против территориального расширения, когда это относится к территории, которая может быть поднята до уровня штатов в Союзе, и чей народ проявляет желание стать американскими гражданами», поддержав при этом протекторат над Филиппинами и политику «открытых дверей» в Китае [6, 115].

Республиканцы в период предвыборной кампании отрицали планы дальнейших территориальных приобретений. Так, в платформе республиканской партии, принятой на съезде в Филадельфии в июне 1900 г., говорилось о твердой приверженности принципам доктрины Монро, а Администрация, утверждали они, одобряет экспансионизм, но только такой, который осуществляется посредством расширения американской торговли и сфер влияния [6, 124].

Именно идея «американского фактора» как неотъемлемой части мировой политики стала основой экспансионизма как теории, так и стратегической политики американского государства, довольно успешно претворявшейся в жизнь до настоящего времени. У истоков экспансионистской идеологии стояли видные ученые, публицисты, политические деятели, представители протестантской церкви, а идейными источниками являлись теории «исключительности», «явного предназначения», «предопределения судьбы», в основе которых лежали идеи «богоизбранности», особой миссии американцев во всем мире. В конце XIX века эти теории увязывались с пропагандой англосаксонского превосходства и социал-дарвинизмом. Однако, по мнению американского историка Г. Биэла, президент США Т. Рузвельт понимал под расой нацию, а его

англо-саксонизм выразился в попытке определить американцев как «англо-говорящую расу» [4, 41].

Кульминацией имперских амбиций США явилось так называемое «дополнение Т. Рузвельта» 1904 г. «доктрине Монро», закрепившем за США «особые права» на Западное полушарие, когда в случаях «финансового бессилия и хронических беспорядков» в латиноамериканских республиках приверженность к доктрине могла «принудить их выступить в роли международной полицейской силы» [5, 33–34]. По сути, эта поправка легла в основу так называемой политики «большой дубинки», более ста лет применяемой Соединенными Штатами на практике, и не только в отношении стран американского континента.

Особую роль в разработке экспансионистской теории сыграла доктрина «морской силы» А. Мэхэна, изложенная в книге «Влияние морской силы на историю 1660–1783», опубликованной в 1890 году [2]. В своих работах Мэхэн утверждал, что только морская мощь определяет исторические судьбы стран и народов, при этом параметры морской мощи зависят от географического положения страны, ее природных ресурсов, климата, протяженности территории, численности населения, национального характера и государственного строя.

Для Соединенных Штатов, имеющих уникальное географическое расположение, морская мощь жизненно необходима для национального роста, процветания и безопасности. Исходя из этого, Мэхэн обосновывал мысль о неизбежности превращения США в могущественную военно-морскую державу, рассматривая ее как аванпост европейской цивилизации. Для выполнения этого исторического предназначения США должны обеспечить господство сначала в обеих Америках на основе «доктрины Монро», а затем в Мировом океане, но только имея сильный флот.

Ключевым фактором, который смог бы обеспечить доминирование США в таком геополитическом пространстве должно стать строительство межокеанского канала: 1) кроме США в Карибском бассейне не существует ни одной великой державы; 2) установление американского контроля над будущим каналом не даст другим великим державам тех политических рычагов, которые используются Англией посредством контроля Суэцкого канала [7, 90].

В конце испано-американской войны Сенат США пришел к выводу, что ни одно решение проблемы угледодачи и создания военно-морских станций не может считаться удовлетворительным, если оно не предусматривает военной безопасности на всем протяжении морского маршрута. Поэтому политический контроль канала и прилегающих к нему морей стал одной из целей внешней политики США. Сенатор Г. Лодж, являвшийся ярким сторонником «большой политики» в Западном полушарии, Тихом океане и Дальнем Востоке, настаивал: «В интересах нашей торговли и нашего дальнейшего развития мы должны построить Никарагуанский канал ради нашего торгового превосходства в Тихом океане мы должны контролировать Гавайские острова и поддерживать наше влияние в Самоа ... когда же Никарагуанский канал будет построен, остров Куба станет для нас необходимостью» [7, 96].

С точки зрения Мэхэна, постройка межокеанского канала не только свяжет два побережья, но и приблизит к США флоты Европы. Отсюда его центральный тезис – политический контроль на море, деятельность флота и эффект от владения сильным флотом окажут влияние не только на внешнюю политику США, но и приведут к конфликту интересов главных мировых игроков там, где не действует европейская система баланса сил.

Таким политически значимым регионом для Мэхэна являлась Азия, в частности, территория, вытянутая от Китая к Средиземноморью, лежащая примерно между 30⁰ и 40⁰ северной широты. Мэхэн придерживался мнения, что эта территория, к которой он применил термин «Debated and Debatable Middle Strip» («спорный и оспариваемый средний пояс»), геополитически была ничейной землей, но могла стать предметом спора между Россией и морскими державами. Мэхэн признавал, что применение морской силы для ограничения русской экспансии будет затруднено. Россия может предпринимать попытки изменения политической юрисдикции только отдельно выбранных территорий, да и тех, которые будут способствовать достижению ею незамерзающих портов.

Решение, предложенное Мэхэном, – установление особой системы баланса сил вне территорий, находящихся под контролем европейской системы, что не позволит России выдвинуться к

Дальнему Востоку и угрожать торговым путям тихоокеанских морских держав. Неотъемлемыми элементами политического равновесия в этом регионе являлись три: первый – Манчжурия могла рассматриваться как территория, где Россия беспрепятственно расширяла бы свою юрисдикцию, второй – установление прямого контроля западных морских держав над китайским капиталом, третий – предотвращение раскола Китая при такой конфигурации [7, 91–93].

Мэхэн указывал на более выгодное расположение России для выполнения оборонительных и наступательных целей, для чего она могла бы использовать короткие внутренние линии коммуникаций и транспорта, а ряд центральных территорий мог быть связан очень быстро. В результате Россия способна была сконцентрировать военные силы на важных фланговых территориях намного эффективнее, чем морские державы, которые все еще уверены в длинных коммуникационных и транспортных океанских линиях [7, 93; 3, 61–65].

С приобретением Филиппин и последующим решением использовать острова в качестве военно-морской базы в западной части Тихого океана и форпоста для коммерческого продвижения на китайский рынок США напрямую заявили о готовности участвовать в конфликте интересов между Россией и западными державами, в том числе США в отношении Китая. Провозглашенная Соединенными Штатами политика «открытых дверей» в отношении Китая истолковывается американскими историками как попытка установления политического равновесия в дальневосточном регионе с целью предотвращения очевидного географического раздела Китая, при котором неизбежно следовало бы учитывать интересы России. Начало складывания мифологии о «русской угрозе» подтверждает и письмо Мэхэна президенту У. МакКинли в разгар боксерского восстания в Китае в 1900 г., где он доказывал необходимость изоляции России в Азии: «Она (*Россия*) не только играет свою собственную игру, все государства это делают, но она играет ее с недобросовестной азиатской хитростью» [7, 98]. По мнению Мэхэна, следовало оказать необходимую физическую и моральную поддержку китайцам, прежде всего с целью обеспечения свободы европейцам и европейской торговле, и только в этом случае Китай будет сохранен как целостная территория.

Таким образом, логика взаимосвязи геополитической теории и стратегической политики приводит к выдвиганию первенства национальных интересов для обоснования целей и задач внешнеполитической доктрины. Однако трудность заключается в том, как в условиях постоянно меняющихся политических отношений найти и определить такую геополитическую перспективу, которая послужила бы не одному поколению политиков в качестве основы военно-политического планирования. В этом плане современной внешнеполитической стратегии американского государства «повезло» – она базируется на теоретических принципах, заложенных американскими идеологами конца XIX – начала XX в. практически без изменений.

Литература

1. Ермакович, Л. М. Политическая борьба в Венесуэле в конце XIX – начале XX века [Текст] / Л. М. Ермакович. – Москва : Наука, 1985.
2. Мэхэн, А. Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783 [Электронный ресурс] / А.Т. Мэхэн. – Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2002. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/mahan1/index.html> (дата обращения: 26.02.2017).
3. Ткачев, Б. П. Территориально-политическая организация России [Текст] / Б. П. Ткачев, Т. В. Ткачева // *Природа и природопользование на рубеже 21 века: материалы межрегиональной научно-практической конференции.* – Омск : Курьер, 1999. – С. 61–65.
4. Beal, H.K. Theodore Roosevelt and the Rise of America to world power [Text] / H. K. Beal. – New York : Coolier Books, 1962.
5. Documents of American History [Text]. Vol. 2 / ed. by H.S. Commager and M. Cantor. – New Jersey : Prentice Hall, 1988.
6. National Party Platforms [Text]. Vol. 1. 1840–1956 / comp. by D. B. Johnson. – Urbana : Univ. of Illinois Press., 1978. – 573 p.
7. Sloan, G.R. Geopolitics in United States Strategic Policy, 1890–1987 [Text] / G. R. Sloan. – New York : St. Martin, sPress, 1988.